

УДК 811.161.1.:811.111

«ЗАКОН – ДЫШЛО...»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАКОНЕ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ.

П.Ю. Ковалишин

Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота,
Калининград

В статье рассматривается представление о законе в русской лингвокультурной ментальности на основе данных идиоматики. Эти данные позволяют выявить неоднозначное и противоречивое отношение русского человека к закону. В русских пословицах и поговорках этот концепт представлен в трех содержательных аспектах.

Ключевые слова: лингвокультурная ментальность, пословицы, поговорки, русский язык, концептуальная область.

Русские пословицы и поговорки зафиксировали три содержательных аспекта, в которых закон мыслился носителями данной лингвокультурной традиции. Это свойства закона с точки зрения простого человека, осмысленное отношение «закон – человек» и дифференциация законов и житейских правил, по которым следует жить традиционному обществу.

В определяющей в связи с этим первой группе примеров, объясняющих свойства закона, отмечаются несколько концептуальных направлений. Во-первых, в них фиксируется мысль о том, что закон действует избирательно: богатым он не опасен, а бедных преследует, ср.: *Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*. В данном примере сам закон активно сравнивается с паутиной, а основание этого сравнения активно поддерживается образными метафорами «шмель» и «муха». Эти образы противопоставляются по признакам «большой – маленький», которым с точки зрения бытовой ситуации соответствуют характеристики «богатый – бедный».

Во-вторых, в группе пословиц и поговорок, объясняющих свойства закона, отмечаются примеры, фиксирующие мысль о гибкости закона, возможности его разного трактования в зависимости от воли человека, ср.: *Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь*. В первой части этой пословицы закон представляется на основе метафоры, а вторая ее часть /показывает, что в русском лингвокультурном сознании не закон стоит над любым отдельным человеком, а наоборот, человек с его волей оказывается распорядителем закона.

В-третьих, в данной группе отмечаются примеры, в которых выражается мысль о том, что закон имеет в жизни относительную значимость, и в частности это проявляется в том, что он не спасает от нужды, ср.: *Нужда закона не знает. Про нужду закон не писан. Нужда закона не знает, а через шагает*. Показательно, что в данных примерах нужда персонифицируется и представляется как некая личность, вступающая в отношения с за-

коном так же, как и обычный человек. А именно, нужда пренебрегает законом и сама составляет своеобразное нарушение закона. Но это означает, что закон мыслился носителями языка в идеале как фактор материального благополучия человека.

Наконец, в данной группе отмечен пример, в котором на обыденном уровне фиксируется специальное знание, касающееся того, что закон не имеет обратной силы, ср.: *Закон назад не пишется (задним числом)*.

Вторая группа пословиц и поговорок содержательно определяется как «отношение человека к закону». Эта тема также реализуется в ряде конкретных концептуальных направлений. В частности, это концепт недоверия к правовой системе и отношения к закону как источнику всех бед. К числу таких бед относятся разочарование и обида на закон и тех, кто ему служит, ср.: *Где закон (или: законники), там и обида*. Однако большей частью это концепт общей диалектической связи между законом и его нарушением. В русских пословицах и поговорках данной тематической направленности четко выразилась мысль о том, что сама идея нарушения закона появляется только там, где есть концепт закона и законности. Ср.: *Где закон (или: заповедь), там и преступление; Если бы не закон, не было бы и преступника; Строгий закон виноватых творит (или: велику вину творит)*. Более того, наличие законов, с точки зрения традиционного лингвокультурного сознания, отражается и на состоянии религиозной ответственности человека. Преступление в правовой сфере познавательно переносится на концептуальную область греха. Ср.: *Не будь закона, не стало б и греха; Не знай закона, не знает и греха*.

Однако в этой группе выражается и обратная идея уважения к закону и признание его важности в жизни. Ср.: *Всуе законы писать, когда их не исполнять; Незнанием закона никто не отговаривайся! Беззаконный клич беззаконно и внемлется*. В последнем примере принципиально важную роль играет метафора. В частности, слово *клич* метафорически представляет мысль о некотором действии, производимом лицом, слово *внемлется* так же метафорически представляет реакцию другого лица на это действие. Логически такая характеристика действия-стимула, как «беззаконие», определяет и характер действия-ответа на него.

Далее, в русских пословицах и поговорках этой группы выразилась мысль о том, что законы, сами по себе ценные и хорошие, порочат люди, которые связаны с исполнением законов по долгу службы. Ср.: *Кто законы пишет, тот их и ломает; Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты; Не бойся закона, бойся судьи (или: законника); Законы – миротворцы, да законники – крюкотворцы; Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы; Судью подарить, все победишь (или: правду победишь)*. В последних двух примерах идея преобладания человека над законом имеет принципиальный характер. В них выражается мысль о том, что выше закона в системе русских традиционных лингвокультурных представлений

мыслятся судьи: они, поднявшись над законом, могут принять любое решение, в том числе и то, которое противоречит правде.

Однако таким судьям в пословицах и поговорках дается резко отрицательная оценка, которая по метонимическому принципу переносится и на законы. Законы и «законники» мыслятся в единстве. Так, в следующем примере сначала выражается такое негативное отношение к законам, а потом и к судьям – ср.: *Все бы законы потонули да и судей бы перетопили.*

И третью немногочисленную группу здесь составляют пословицы и поговорки, в которых противопоставляются друг другу закон и правила жизни, сложившиеся в обществе исторически. Эти правила осмысляются либо как «устав», либо даже как «правда» – ср.: *Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать; Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили.* Вполне очевидно, что в качестве более важных для общественной жизни (причем в универсальном плане, по отношению к любой культуре – она здесь метонимически названа словом *земля*) утверждаются именно правила жизни, но не законы. А сами эти правила прямо отождествляются с Правдой.

В целом реконструируемая по данным пословиц и поговорок концептуальная область, организующаяся вокруг концепта «закон» в русском лингвокультурном сознании, имеет следующую структуру (Рис 1).

«LAW IS A DRAFT TONGUE...»: CONCEPTS OF LAW IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURAL MENTALITY

P.Yu. Kovalishin

Baltic Fishing Fleet State Academy, Kaliningrad

The article considers the concept of law in the Russian linguocultural mentality on the example of idioms. The data reveal the ambiguous and contradictory attitude of the Rus-

sians to law. In the Russian proverbs and sayings this concept is presented in three meaningful ways.

Key words: *linguocultural mentality, proverbs, sayings, the Russian language, the conceptual area.*

Об авторе:

КОВАЛИШИН Павел Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, *e-mail:* pavelkovalishinkaliningrad@mail.ru

УДК 81'1

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ

М.В. Разумова

Пензенский государственный университет, Пенза

В статье рассматриваются различия в национальной ментальности представителей русской и английской лингвокультур и способы их отражения в языке. Многие исследователи объясняют разницу в коммуникативном поведении различиями национальных характеров.

Ключевые слова: *национальный характер, лингвокультурная общность, традиции, речевое поведение, концепт, ментальность.*

В настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. Универсальные значения, одинаково осмысляемые всеми людьми в мире или представителями определённых цивилизационных типов, создают почву для межкультурной коммуникации, без них межкультурное взаимопонимание было бы в принципе невозможно. В тоже время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закреплённые в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.д. [Леонтович 2005: 81-82].

В современной лингвокультурологии одной из центральных является мысль о том, что различия в языке отражают различия в национальной ментальности и что каждый язык характеризуется своей уникальной картиной мира. Многие исследователи, в частности К. Касьянова [Касьянова 1994], объясняют различия в коммуникативном поведении разницей национальных характеров.

И.А. Стернин выделяет три типа норм коммуникативного поведения – общекультурные, ситуативные и индивидуальные, из которых первые характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета и вежливого общения. Что касается русской лингвокультуры, то И.А. Стернин отмечает такие черты речевого